

В целях улучшения своего портфеля, в пожарном отношении, окрепшее Красноярское общество с начала 1916 г. начинает выдавать своим членам ссуды на переустройство таких частей зданий, которые повышали его пожарную безопасность. В соответствии с решением общего собрания членов Красноярского общества взаимного страхования от огня 27 марта 1916 г. было принято решение о выдаче ссуд членам общества на: а) замену несгораемых крыш огнеупорными и на их ремонт; б) замену печного отопления центральным; в) ремонт и переделку печей, труб и дымоходов; г) возведение и ремонт требуемых строительным уставом брандмауэров; д) проведение ответвления городского водопровода; е) проведение электрического освещения; ж) на подведение фундаментов (Там же. С. 59) и т.п.

Ссуды выдавались на срок до пяти лет с погашением ежегодно равными частями в сумме на каждое имущество не свыше 500 р., но не более половины страховой суммы. Ссуды выдавались материалами, открытием кредита в соответствующих учреждениях или наличными деньгами, по усмотрению правления и наблюдательного комитета. За ссуды начислялось 6% годовых и 1% на расходы по ведению дела.

Промышленное освоение региона, проведение железнодорожного пути, переселенческая политика способствовали укрупнению многих населенных пунктов. Села Енисейской губернии Рыбинское, Иланское, Назаровское, Ужурское, Балахтинское, Абаканское, Шира к 1916 г. превратились в городские поселения, в них возводятся каменные строения, создаются пожарные команды. Все это не смогло не обратить на себя внимания страховых обществ и в них последовательно начинают открываться отделения Красноярского общества взаимного от огня страхования. Процесс этот был нарушен, хотя и не приостановлен революциями 1917 года и гражданской войной.

Итак, образование в Красноярске общества взаимного страхования, позволило снизить тарифы на страховые услуги коммерческих страховых обществ действовавших в Восточной Сибири. Вплоть до 1917 г. Красноярское общество взаимного от огня страхования завоевывало рынок, опираясь на взвешенную тарифную политику.

М.В. ШИЛОВСКИЙ

«ПРОЕКТНАЯ ЭКОНОМИКА» В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: ТРИ ВЕКА ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОК

До социального катаклизма 1917–1920 гг. применительно к Сибири были апробированы практически все известные способы и методы хозяйственного освоения регионов ресурсного типа: принудительный труд и использование внеэкономических факторов, принцип маятника, создание территориально-производственных комплексов (ТПК) и осо-

бых (анклавных) геоэкономических зон, сочетание частной инициативы с монопольно высокой долей участия государства и т.д. На протяжении 335 лет (1582–1917) происходила реализация ряда масштабных экономических проектов.

Первый из них можно условно назвать «Сибирская пушнина». Русских за Уралом привлекали прежде всего богатые пушные промыслы. Создание сети острогов имело целью получение ясака — специального налога с аборигенного населения, который первоначально собирался исключительно в пересчете на соболиный «эквивалент». Экспедиции первопроходцев направлялись в новые места «для государева ясачного сбора и для прииску вновь неясашных людей». Все операции с соболиными мехами являлись государственной монополией. Во многом за счет региона происходило возрождение Русского государства после Смуты. Так, по данным Г.К. Катошихина, в царствование Алексея Михайловича (1645–1676) сибирская «рухлядь» приносила ежегодно в казну до 600 тыс. р., или треть всех государственных доходов (Катошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 93).

Несмотря на оскудение соболиных запасов к концу XVII в., запрещение русским промыслить соболя, охота на пушного зверя вплоть до середины XVIII в. оставалась одним из важнейших хозяйственных занятий русских и коренных жителей Сибири. Параллельно интенсивно развивалась меновая торговля пушниной, значительная часть которой шла в Среднюю Азию и Китай.

На смену «мягкому золоту» пришли цветные и драгоценные металлы. Уже в 1638 г. казаки из отряда Д. Копылова от эвенкийского шамана Томкони узнали о серебряной горе Оджал в бассейне Амура. Поскольку собственного серебра у России тогда не было, специально снаряжаемым экспедициям от Урала до Тихого океана предписывалось искать прежде всего серебряную руду. Казаки-землепроходцы В. Милованов, Ф. Свешников, Г. Лоншаков, С. Гаврилов в 1670-х гг. открыли месторождение сербросвинцовых руд по р. Аргунь. В 1676 г. из нее в Нерчинске выплавляли свинец и олово, а затем в Москве — первое отечественное серебро. В 1689 г. началось строительство Аргунского сереброплавильного завода. Для организации технологического процесса предписали отправить на предприятие 240 ссыльных и в окрестностях расселить 500 крестьянских семей. С 1704 г. завод начал поставку в казну промышленного серебра, из которого чеканили первые российские рублевые монеты.

Однако транспортные издержки резко увеличивали стоимость забайкальского серебра и оно обходились дороже импортного. Поэтому стали возить свинец из Нерчинска на Алтай для использования в технологическом процессе с целью извлечения из местной руды серебра и золота. Слитки сначала на телегах из Нерчинска доставляли в Селенгинск, а затем сплавляли по Байкалу, Ангаре, Енисею, Кети и Оби через «многие великие грязи и волоки». Всего таким образом на Алтай переправили

1,6 млн пудов свинца (от 5 до 40 тыс. пудов ежегодно). Частным перевозчикам выплачивалось ежегодно в виде подрядной платы до 200 тыс. р. (Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII—первой половине XIX вв. Барнаул, 1999. С. 430).

В 1717 г. рудознатцами С. Костылевым и Ф. Комаром были разведаны богатые месторождения полиметаллических руд на Алтае по р. Алей. В 1726 г. известный промышленник А.Н. Демидов получил монопольное право на строительство здесь добывающих и металлургических предприятий для выплавки меди. В 1736 г. привилегию распространили на все пространство в верховьях Оби и Иртыша. В 1727 г. началось строительство Колывано-Воскресенского медеплавильного завода, в 1740 — Барнаульского, в 1744 — Шульбинского. 90% производимой меди Демидов сдавал в казну. Традиционно считалось, что производство алтайской меди было убыточным для промышленника, поскольку каждый пуд давал по рублю убытков. Поэтому де Демидов и занялся тайной выплавкой золота и серебра из алтайской руды. Как установил А.В. Контев он на самом деле в 1730-х гг. на каждом пуде алтайской меди мог получать до 3 р. прибыли (Контев А. Алтайское серебро Демидовых // Бийский вестник. 2006. № 3–4. С. 109). В 1745 г. А.Н. Демидов умер, а в 1747 г. его алтайские предприятия перешли в собственность Кабинета ее императорского величества (КИВ). В 1787 г. был подписан указ «О бытии Нерчинским заводам под ведением Кабинета... на таком же основании как состоят ныне Колывано-Воскресенские заводы».

Во второй половине XVIII—начале XIX вв. окончательно сформировался горно-металлургический комплекс Колывано-Воскресенского (с 1834 г. — Алтайского) горного округа КИВ, включавший несколько заводов по выплавке меди, железа, чеканки монеты, рудников, камнерезного производства. Вероятно, его и можно назвать прообразом будущих ТПК. По производству меди Алтай уступал только Уралу. С начала разработки и до 1875 г. здесь ее выплавили 10 млн пудов общей стоимостью 100 млн р. Алтайский горный округ за тоже время произвел 109,3 тыс. пудов серебра. В 1791–1830 гг. из алтайского золотистого серебра извлекалось ежегодно по 20–25 пудов золота, а в 1831–1860 гг. — 30–35 (Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 49). С конца 1820-х гг. начинает свою историю промышленная добыча золота в Азиатской России. Если в 1830 г. Сибирь дала 0,05 тыс. пудов драгоценного металла (12,5% общероссийской добычи), то в 1850 — 1,0 тыс. (66,7%), в 1910 — 2,2 тыс. пудов (71,0%) (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 187).

Организация производства серебра (вместе с медью и свинцом) и золота разительно отличались. В первом случае государство, используя метод создания частной анклавной геоэкономической зоны (предприятия А.Н. Демидова), затем полностью взяло в свои руки организацию горнозаводского хозяйства на Алтае и в Забайкалье, не допуская

в это дело частный капитал. Добыча золота за Уралом с самого начала осуществлялась с активным использованием рыночных отношений, при сохранении монополии государства на металл. Уже в 1829–1860 гг. 90% его добывали на частных приисках купцов и дворян-предпринимателей (Рабочий класс Сибири... С. 50). Государство контролировало частную золотопромышленность посредством специальных нормативных актов и системы горного надзора при Иркутском и Томском горных управлениях, состоящей из горных инженеров и горных исправников.

Следующий масштабный проект, реализация которого началась в связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали (1891–1905), связан был с интенсивным развитием сельского хозяйства и аграрной специализацией региона. Сельское хозяйство в Сибири развивалось и до строительства Транссиба, в том числе и при активном участии государства. Уже к концу XVII в. регион полностью обеспечивал себя основными видами сельскохозяйственной продукции. Однако немногочисленность городского населения, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры, колоссальные расстояния ограничивали развитие рыночных отношений в деревне. Сенаторы В.К. Безродный и Б.А. Куракин, ревизовавшие в 1828–1829 гг. Западную Сибирь, отмечали, что местные крестьяне живут безбедно, но безденежно: «Довольство их однако ж состоит отнюдь не в денежной наличности, а в достатке продуктов трудами собственных рук из земли вырабатываемых и в изобилии скотоводства. Достаток в сих предметах, без сомнения, снабжал бы их и деньгами, если бы была возможность сбывать земные продукты и скот с выгодой. Но великое пространство края и отдаленность оною на тысячи верст от мест, нуждающихся в хлебе и скоте, служит непреодолимым к этому препятствием» (Цит. по: Катионов О.Н. Дорожная повинность крестьян в Сибири в XIX в. // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1983. С. 80).

Разработкой и реализацией, в том числе, аграрной стратегии самодержавия в Азиатской России занялся специально созданный Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) (1892–1905) во главе с наследником престола, а затем императором Николаем II. Прежде всего, по инициативе КСЖД произошла смена парадигмы по вопросу о переселении и заселении Сибири. Принимается пакет нормативных актов, регулирующих миграции в новых льготных условиях с целью «заселения прилегающих к дороге местностей».

Новый импульс правительственная политика в отношении аграрной специализации Азиатской России получила в период столыпинской аграрной реформы. Помимо форсирования переселений и проведения землеустроительных работ, упор делается на развитие товарного сельскохозяйственного производства. Территория четко квалифицировалась как окраина и земледельческая колония с низким уровнем товарности аграрной сферы. «Вне полосы, непосредственно прилегающей к железной

дороге, — констатировали посетившие в 1910 г. Западную Сибирь министры П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, — почти все вырабатывается и потребляется дома. Денег зарабатывается мало. На сторону продается всего около 1/5 (18%) добываемых продуктов» (Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 5).

Опираясь на свои впечатления, подкрепленные статистическими выкладками и геополитическими соображениями, министры рисуют образ будущей Сибири. Ей еще «много лет предстоит быть страной добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье. Как ни желательно широкое развитие в Сибири обрабатывающей промышленности, но, по видимому, там нет еще налицо тех главных условий, без которых обрабатывающая промышленность не может получить широкого значения: нет крупных и предприимчивых капиталов, подготовленного рабочего класса, достаточных рынков сбыта». Поэтому необходимо развивать «сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечив широкий приток туда населения». Для этого в развитие региона должны быть внесены новые экономические начала и прежде всего: «1) право собственности на землю, 2) проведение новых железных дорог и 3) разнообразие сельскохозяйственного производства» (Шиловский М.В. Образ Сибири в восприятии П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина (поездка 1910 г.) // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII- начала XXI в. Новосибирск, 2006. С. 138–140).

Результаты усилий правительства дали положительные результаты. С 1901–1905 по 1911–1915 г. среднегодовые площади посевов увеличились примерно с 4 до 7 млн десятин, а валовые сборы зерна с 200 до 350 млн пудов. поголовье крупного рогатого скота возросло с 4534 тыс. голов в 1891 г. до 7810 тыс. в 1916 г., свиней с 759,6 тыс. до 1841,4 тыс. голов (Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 196, 254).

Несмотря на то, что излишки товарного зерна в Сибири в 1898 г. достигали 64 млн пудов (Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 178), регион вплоть до начала Первой мировой войны оставался по преимуществу самопотребляющим в отношении данного товара. Закономерно встает вопрос, почему правительство, установив Челябинский тарифный перелом, долгое время сознательно сдерживало вывоз сибирского сельскохозяйственного сырья за Урал? Традиционно в объяснение этого называют защиту самодержавием интересов помещиков Европейской России, стремление направить сибирский хлеб в Архангельск, фискальный интерес казны, связанный с необходимостью возместить затраты на строительство Транссиба.

Представляется, что главной причиной введения Челябинского тарифного перелома являлась целенаправленная политика самодержавия, направленная на форсированное развитие товарного маслоделия и мясного животноводства за Уралом. Так, стоимость только вывози-

мого масла увеличилась с 4 тыс. р. в 1894 г. (400 пудов) до 68 млн р. (4460 тыс. пудов) в 1912 г., что в два раза превышало доходы от добытого в регионе золота (Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX–начало XX в. Новосибирск, 1967. С. 162). Активно поддерживалась артельная (кооперативная) форма маслоделия, был введен штат правительственных инструкторов по молочному хозяйству, при каждом из которых предусматривалась по два мастера-маслодела. Открылись испытательные лаборатории, учреждаются три школы молочного хозяйства, многочисленные курсы, в законодательном порядке устанавливаются санкции за изготовление фальсифицированного продукта, увеличивается количество вагонов-ледников, на железнодорожных станциях сооружаются стационарные холодильники. Как видим властные структуры Российской империи не только защищали экономические интересы привилегированных групп населения и заботились о пополнении казны, но и пытались влиять на хозяйственную специализацию региона в условиях включения его в общероссийский аграрный рынок и массового переселения крестьян в Азиатскую Россию.